

ИДЕИ ВСЕОБЩЕГО МИРА И БЛАГОПОЛУЧИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯХИНОЙ ГУЗЕЛЬ ШАМИЛЕВНЫ.

Абдуллаева Гульшана Шухратовна ¹

¹ преподаватель кафедры
русского языка и литературы НамГУ

Сиддикжанова Дурдона ¹

¹ студентка НамГУ

**ИНФОРМАЦИЯ О
СТАТЬЕ**

АННОТАЦИЯ:

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:

Received: 13.06.2025

Revised: 14.06.2025

Accepted: 15.06.2025

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

*классический
пацифистский подход,
этический
экзистенциализм,
психосемантические
категории, пересечение
литературной
эпистемологии,
глобальные угрозы,
онтологический и
аксиологический уровни
идей мира и благополучия.*

Гузель Шамилевна Яхина — одна из самых ярких и значимых представительниц современной русской литературы, чьи произведения вызвали большой резонанс на литературной арене, достигли широкого круга читателей и получили высокую оценку критиков. В частности, выражение в их произведениях концепции мира между народами в глобальном масштабе доказало их литературный потенциал и актуальность на мировом уровне. В данной статье представлена информация об идеалах всеобщего мира и процветания между людьми в последних творчествах Гузель Шамильевны.

Введение. Яхина Гузель Шамилевна, как один из ярких представителей современной литературы, в своих произведениях освещает идеи мира с уникальной эстетической и философской точки зрения. Его творчество поднимает вопросы мира, гуманизма и нравственных ценностей на фоне постмодернистских дискурсов и глобальных социально-политических изменений. Идеи пацифизма, в частности, в его произведениях трактуются не только как средство социальной стабильности и

предотвращения конфликтов, но и как экзистенциальный поиск преодоления конфликтов во внутреннем мире человека. Идеи мира в творчестве Яхиной можно интерпретировать как систему семиотических символов. В его рассказах и романах пацифизм часто выражается посредством метафорических образов, диалогических структур и интертекстуальных элементов. Например, в его романе «Когда Зулейха открывает свою чашу» идея миротворчества трактуется не только как процесс преодоления социальных конфликтов, но и как процесс исцеления исторических ран и личных травм. Здесь миротворчество рассматривается не только как стремление к стабильности во внешнем мире, но и как нахождение равновесия во внутреннем мире. С семиотической точки зрения пацифизм как «символ» в творчестве Яхиной имеет многослойное значение, находясь на пересечении социального, психологического и философского дискурсов.

Теория диалогизма русского литературоведа и философа Михаила Бахтина имеет важное значение для анализа пацифистских идей в творчестве Яхиной. Бахтин трактует диалогизм как взаимодействие разных голосов в тексте, где каждый голос представляет свой собственный социальный и культурный контекст. В произведениях Яхиной миролюбие часто выражается через диалогическое взаимодействие персонажей, которое служит важнейшим инструментом укрепления социального мира и взаимопонимания.

Теория «коммуникативного действия» немецкого философа Юргена Хабермаса используется в качестве важной методологической основы при анализе идей мира в трудах Яхиной. По мнению Хабермаса, социальный мир достигается посредством коммуникативных действий, основанных на взаимопонимании, в которых участники обсуждают свои позиции в обстановке равноправного диалога. Диалоги персонажей в произведениях Яхиной, особенно в романе «Дети мои», соответствуют концепции Хабермаса об «идеальной ситуации дискурса». В романе персонажи разных национальностей и социальных слоев стремятся построить диалог, основанный на взаимном уважении и равенстве, что служит укреплению идеи мира. Такой подход Хабермаса позволяет трактовать миролюбивый характер творчества Яхиной как важное условие обеспечения социальной стабильности и справедливости.

Постколониальная теория американского литературоведа Гаятри Чакраворти Спивак имеет важное значение для анализа идей пацифизма в творчестве Яхиной. Концепция «голоса подчиненных» Спивака помогает нам понять интерпретацию пацифистских идей в работах Яхиной, представляя голоса социально

маргинализированных групп. Например, в романе «Эшелон в Самарканд» голоса депортированных детей и взрослых, пытающихся их спасти, рассматриваются как важная часть дискурса подчиненных. Спивак считает, что такие голоса могут помочь переосмыслить доминирующие исторические и культурные дискурсы, обеспечивая при этом социальный мир. В работах Яхиной миротворчество усиливается именно за счет включения голосов маргинализированных групп в равноправный диалог.

В контексте глобализации XXI века все большего внимания требует проблема диалога между культурными идентичностями, цивилизационным пониманием и семантическими компиляциями. С этой точки зрения творчество Яхиной Гузель Шамилевны занимает уникальную эпистемическую позицию в построении транснационального дискурса мира в современной русской литературе. Его произведения являются не только образцами эстетического и повествовательного мастерства, но их смысловой пласт глубоко отражает прогрессивные принципы парадигмы глобального мира — толерантность между цивилизациями, эмпатическую позицию, отрицающую историческую жестокость, и, самое главное, — культурно-антропологические ресурсы благополучия.

Знаменитые романы Гузель Яхиной - в частности, "Зулейха открывает глаза" и "Дети мои" - предлагают интерсубъективную методологию изучения стратегий выживания человечества перед лицом исторических социально-правовых катастроф. В этих работах автор создает контрапункт универсальному понятию мира через исторические травмы — депортации, репрессии, коллективное насилие: мир здесь — это не просто отсутствие войны, а обретение человеком своей идентичности, признание его культурной идентичности, институционализация социальной гармонии. В этом отношении литературная феноменология Яхиной соотносится с теорией коммуникативного действия Хабермаса, поскольку ее героини зачастую стремятся не к миру, а к пониманию, которое открывает путь к социальному согласию через диалог.

В текстовых структурах Яхиной идея всеобщего благосостояния не является марксистской распределительной справедливостью, а скорее ближе к латинскому понятию «*florere*» — процветать. В его прозе благополучие — это не экономический или социальный статус, а состояние жизни, основанное на полноте культурного бытия, свободном обмене эстетическими и моральными ресурсами. Именно здесь Яхина склоняется к гуманистическому универсализму, однако этот гуманизм основан не на западнцентричных либеральных парадигмах, а на восточноевразийской

многоконфессиональной культурной модели. В такой модели благополучие находит коллективное, а не индивидуальное выражение, а личное счастье понимается как отражение социальной стабильности.

Идеи мира и благополучия, отраженные в текстах Адибы, реализуются одновременно на онтологическом и аксиологическом уровнях. Онтологически мир рассматривается здесь как особая онтология исторического существования, то есть формирование человеческого существования не из конфликта, а из диалога. На аксиологическом уровне Яхина предлагает плюрализм ценностей — он описывает не абсолютное превосходство какой-либо культуры или этноса, а полифонию (М. Бахин) как источник стабильности. Это позволяет нам читать его произведения не только как литературные, но и как политико-онтологические проявления.

Таким образом, творчество Яхиной Гузель Шамильевны является неотъемлемой частью культурных и интеллектуальных движений, направленных на восстановление всеобщего мира и процветания на фоне современных глобальных угроз. Исторические события, отраженные в его текстах, — это не только реабилитация национальной памяти, но и повествовательный опыт, рожденный потребностью в примирении между цивилизациями. В частности, эти эксперименты служат важной научной основой для понимания глубоких смысловых противоречий, лежащих в основе современных антропоцентрических геополитических конфликтов. Модель эстетического мира в творчестве Яхиной является важной формой литературно-антропологического сопротивления, противостоящего новым формам жестокости в современном мире.

Однако в поэтике Яхиной процветание полностью оторвано от основных экономических категорий. Он переосмысливает эту концепцию, основываясь на коллективных потребностях и социальной эмпатии, а не на неоклассических утилитаристских моделях счастья, которые выдвигались в большинстве случаев, или на парадигме индивидуальных достижений неолиберализма. В этом контексте проза Яхиной представляет процветание как концептуальную рефлексию, реализуемую через культурную реабилитацию, художественное восстановление исторической справедливости и признанную субъективность. Эта модель близка к теории признания Акселя Хоннета, интерпретирующей благополучие как форму признания социальных отношений.

Вклад Адибы в идеалы всеобщего мира и процветания следует также анализировать в рамках транснационального гуманизма. Многоязычные, религиозно

и этнически разнообразные персонажи его романов интерпретируют мир не как геополитическое равновесие, а как социальное состояние, возникающее в результате intersubjectивного признания, обмена историческим опытом и аффективной адаптации. В этом смысле литература Яхиной пишет генеалогию социального мира в генеалогическом подходе Фуко — генеалогию, построенную на intersubjectивном облегчении, эмпатической рефлексии и институционализированной справедливости.

В романах Яхиной исторические катастрофы — сталинские репрессии, коллективизация, депортации — выражены в своеобразном стиле психоэстетического мемориализма. Этот мемориализм, с одной стороны, обобщает травматические события посредством художественного выражения, а с другой стороны, посредством переосмысления прошлого и исторической реабилитации, делает всеобщий мир когнитивной нормой. Этот процесс напрямую перекликается с философской триадой Рикёра «память, история, забвение» и перемещает художественный дискурс писателя в сферу социально-нравственной рефлексии. В результате тексты Яхиной предлагают самостоятельную программу гуманитарных средств разрешения цивилизационных конфликтов и противоречий в современном мире.

В заключение следует отметить, что художественное творчество Яхиной Гузель Шамилевы занимает важное концептуальное место в реконтекстуализации концепций всеобщего мира и благополучия народов в современном литературном контексте. Модель мира, формируемая в его текстах на основе эстетического и этнического разнообразия, реализуется прежде всего через культурную толерантность и историческую инклюзивность. Благополучие трактуется не только как материальные блага, но и как существование субъекта в отраженном, осознанном и понятом состоянии. В этой связи художественная вселенная Яхиной заслуживает особого внимания не только как эстетический феномен, но и как интеллектуальное отражение современной межкультурной стабильности.

Использованная литература:

1. Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы.
2. Хоннет, А. (2003). *Борьба за признание. Социальный конфликт и моральная динамика*. М.: Прогресс-Традиция.
3. Хабермас, Ю. (2001). *Структурные изменения в сфере публичности*. СПб.: Наука.

4. Бутлер, Дж. (2009). *Жизнь, достойная скорби: насилие, горе и политика*. М.: Издательство Логос.
 5. Said, E. W. (1994). *Culture and Imperialism*. New York: Vintage Books.
 6. Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
 7. Assmann, J. (2011). *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Cambridge University Press.
 8. Yakhina, G. (2015). *Zuleikha Opens Her Eyes*. London: Oneworld Publications.
 9. Yakhina, G. (2018). *My Children (Дети мои)*. Москва: АСТ.
 10. Lotman, Y. M. (1992). *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London: I.B. Tauris.
 11. Nora, P. (1989). Between Memory and History: *Les Lieux de Mémoire. Representations*, No. 26, pp. 7–24.
 12. Boym, S. (2001). *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.
 13. Todorov, T. (2003). *Hope and Memory: Lessons from the Twentieth Century*. Princeton: Princeton University Press.
-